18+
АЛЕКСАНДР СКОПИНЦЕВ
СТАЛЬНЫЕ БУРИ
И ПУСТЬ ОНИ УКАЖУТ НАМ ПУТЬ

Александр Скопинцев

Стальные Бури. И пусть они укажет нам Путь…

«Издательские решения»

Скопинцев А.

Стальные Бури. И пусть они укажет нам Путь… / А. Скопинцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-654068-2

«Стальные Бури» — историческая сага о правителе, который привёл Русь к могуществу и единству. Иван — решительный лидер, сыгравший ключевую роль в создании централизованного государства. Его стремление к справедливости и порядку укрепило страну, прошедшую через тяжелейшие испытания. Он не просто правитель, но человек великих свершений, способный объединить земли и защитить народ. Его мудрость и смелость помогли преодолеть трудности, построив державу, готовую противостоять бурям времени.

ISBN 978-5-00-654068-2

© Скопинцев А.
© Издательские решения

Содержание

Аннотация 6
1 глава: Венчание власти 7
2 глава: На Казань! 15
3 глава: Зной и сталь 23
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Стальные Бури
И пусть они укажет нам Путь…

Александр Скопинцев

Иллюстратор Александр Скопинцев

© Александр Скопинцев, 2025
© Александр Скопинцев, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0065-4068-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

«Стальные Бури» – это захватывающая историческая сага о великом правителе, который вывел Русское государство на новый уровень могущества и единства. Главный герой книги, Иван, представлен как решительный и прозорливый лидер, чье правление стало ключевым этапом в формировании сильного и централизованного государства. Его стремление к справедливости и порядку закалило Русь, преодолевшую испытания, подобные стальным бурям.

Иван изображён не просто как правитель, но как человек, способный на великие свершения. Он видит перед собой цель – объединить земли, укрепить власть и защитить свой народ от внешних и внутренних врагов. Его политическая мудрость и смелость позволяют ему противостоять многочисленным вызовам, а внутренние переживания и личные жертвы только усиливают его решимость.

Эта книга – история о дальновидном лидере, который, несмотря на трудности и противодействие, сумел построить сильное государство, способное выдержать любые бури времени.

1 глава: Венчание власти

Над Москвой, облаченной в величественные стены и золотые купола, разносился глубокий, торжественный звон колоколов. Их могучий глас, казалось, проникал в каждый уголок древнего града, распахивая сердца его жителей, погружая их в атмосферу грандиозного священнодействия. Гулкий, высокий звон колоколов неумолимо оглашал небеса, отражаясь от каменных стен и возносясь над бескрайними просторами русской земли, словно призывая всех свидетелей к единому событию – священному моменту, который навсегда изменит судьбу целого народа.

В этот час, когда город замер в трепетном ожидании, по каменным плитам величественного собора медленно, но уверенно шагнул человек. Это был митрополит Макарием, чья фигура, облаченная в тяжелые, богато украшенные ризы, расшитые золотом и усыпанные драгоценными камнями, сразу приковывала взгляды. Сама ткань его облачения казалась сотканной из небесного света, отражая каждое колебание пламени свечей и солнечных лучей, прорывающихся сквозь витражи, которые мерцали в полутьме священного пространства. Позолота играла на ткани, напоминая о той силе, что скрывалась за этим блеском – власти, предопределенной свыше.

За Макарием следовали церковные служители, также облаченные в ризы, богато украшенные золотыми нитями и искусной вышивкой. Их лица оставались серьезными и сосредоточенными, выдавая ту огромную ответственность, что лежала на их плечах. По всему пространству храма растекалась величественная мелодия праздничного звона колоколов, но внутри царила особая, почти осязаемая тишина, нарушаемая лишь тихими шепотами молящихся и легким шорохом тканей.

Митрополит Макарий остановился посреди храма и, обведя собравшихся медленным, величавым взглядом, заговорил. Его голос был глубоким и полным уверенности, но звучал он мягко, почти как убаюкивающий шепот. В его интонациях чувствовалась власть, но и странная, неожиданная кротость.

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, – произнес он, поднимая руку для благословения.

Его слова отразились эхом в высочайших сводах храма, укрытого под гигантскими, величественными куполами. На стенах, от пола до потолка, размещались древние христианские образы – иконы святых, библейские сцены, вся история Ветхого и Нового Заветов в великолепных красках и золотых орнаментах. Каждый сантиметр пространства был украшен, каждая колонна, тянувшаяся к сводам, была покрыта искусной резьбой и расписана. Но всё это великолепие, казалось, меркло перед величием события, что происходило здесь и сейчас.

Люди, заполнившие церковь, стояли на коленях, склонив головы. Среди них были не простолюдины, а дворяне, бояре, члены великих родов, родственники, приближенные и даже недруги. Каждый их жест был полон благоговения и трепета – никто не осмеливался нарушить эту священную церемонию. Их лица оставались строгими и молчаливыми, а движения медленными и осторожными.

В углу храма стояла группа людей в заграничных нарядах – европейцы, прибывшие из дальних стран. Их одежды резко отличались от местных, будучи более сдержанными, но при этом изящными. Среди них выделялся мужчина с острыми чертами лица, напоминавший своим выражением хищную птицу. Он тихо обернулся к своим спутникам, его глаза сузились, а губы искривились в едва заметной усмешке.

– Этот князь Московский никогда не станет царем всей Руси, – тихо, но уверенно прошептал он, его голос звучал с оттенком презрения.

Его спутники переглянулись между собой, одобрительно кивая. Однако среди них находился и другой человек в чёрном – сгорбленный, хмурый мужчина, который повернул голову и прервал их.

– Европа может не признавать его, – сказал он с твердостью, – но Европа всегда уважает силу.

Церемония продолжалась. В центре храма стояла молодая невеста, Анастасия Захарьина-Юрьева, представительница древнего боярского рода Захарьиных. Она была окружена своими подружками и облачена в великолепное платье, расшитое жемчугами и золотом. Её русая коса, украшенная драгоценными камнями, спускалась до самого пояса. Лицо Анастасии оставалось спокойным, но в её глазах можно было уловить нечто большее – ожидание, может быть, страх перед неизвестностью, смешанный с решимостью и достоинством.

В сердце величественного храма, где каждый камень дышал историей, разворачивалось действо, способное изменить судьбу целого государства. Анастасия Захарьина-Юрьева, невеста царя, стояла в окружении своих подруг, словно прекрасный цветок среди роскошного сада. Их наряды, сотканные из шелка и парчи, расшитые жемчугом и самоцветами, казались отблесками небесного сияния. Молчаливые и покорные, они принимали свою участь с благоговением, осознавая, что этот брак – не просто союз двух сердец, но союз, скрепляющий судьбу всей Руси.

Церемония двигалась вперед, подобно величественной реке, неспешно несущей свои воды к морю вечности. Священники, облаченные в золотые ризы, ступали по ковру, на котором гордо расправлял крылья двуглавый орел – символ державной мощи. Их движения были исполнены такой торжественности, словно каждый шаг мог потревожить сам воздух, напоенный святостью.

На возвышении, к которому вели четыре ступени – словно четыре столпа веры – ожидал митрополит Макарий. Когда он поднялся, помощники последовали за ним, неся символы царской власти – скипетр и державу, блеск которых, казалось, затмевал сияние солнца.

Все замерли, затаив дыхание. Иван, облаченный в царские одежды, приблизился к Макарию. Митрополит, исполненный благоговения, осенил крестным знамением шапку Мономаха, поднес её к устам, запечатлев на ней священный поцелуй, и передал в руки молодого государя.

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа, – произнес Макарий, и его голос, казалось, заполнил собой всё пространство храма.

Иван, с трепетом и осознанием великой ответственности, принял корону и водрузил её на свою голову. В этот момент время словно остановилось, а воздух стал густым от напряжения и ожидания.

Солнечный свет, пробиваясь сквозь витражи, рассыпался мириадами ярких лучей, танцующих на мозаиках и золотых узорах. Каждый уголок храма, казалось, ожил, наполняясь божественным сиянием, окутывающим собравшихся ореолом святости.

В центре этого величия стоял Иван – юный, но уже отмеченный печатью судьбы. Его одеяния, сотканные из золота и драгоценностей, струились до самого пола, словно река, несущая в себе богатство и силу всей Руси. Взгляды присутствующих были прикованы к нему, полные благоговения и трепета, словно они созерцали не человека, а воплощенное божество.

Где-то в стороне, среди моря лиц, застыли в напряженном объятии кузен царя и его мать. Лицо женщины исказила тревога, губы дрожали, а глаза, устремленные на происходящее, были полны скрытого ужаса. Она цеплялась за сына, как за последнюю надежду в этом мире, ставшем чужим и пугающим. Их тела едва заметно дрожали под тяжестью мрачных предчувствий, а в сердцах разгорался огонь сомнений и страха.

Воздух был наполнен напряжением, которое казалось почти осязаемым. В самой тишине храма чувствовался невыразимый вес судьбы, сжимающий сердца присутствующих. В самом центре этого драматического действа стояла фигура нового царя – юного, безбородого, с длинными волосами, спадающими до плеч. Его лицо было сосредоточенным, взгляд – глубоким

и полным внутренней силы. Этот момент был предназначен для того, чтобы увековечить его как правителя всея Руси, и он чувствовал это каждой клеткой своего тела.

Где-то в толпе, чуть в стороне, кузен молодого царя стоял рядом со своей матерью. Они оба, заметно взволнованные, слились в напряжённые объятия. Лицо женщины было искажено тревогой, её губы дрожали, а глаза, устремлённые на происходящее, были полны скрытого ужаса. Она держалась за сына, словно тот был её последним оплотом в этом мире, в этом храме, который теперь стал символом новой власти. Их тела дрожали, едва заметно колебались под тяжестью тех мыслей, что терзали их души. Им явно не нравилось то, что происходило. Что-то неуловимое и пугающее читалось в их позах и взглядах. Они были здесь, но в их сердцах разгорались сомнения и страхи.

Медленные, торжественные шаги священнослужителей разнеслись по храму, их шаги звучали гулко, будто эхом отдавались в сводах высоких потолков. Они не спешили. Их движения были наполнены глубоким смыслом, словно каждое действие должно было быть отмечено небесами. Один из них, одетый в богатые облачения, медленно подошёл к алтарю и бережно взял поднос, сверкающий в солнечных лучах. Поднос был сделан из чистого золота, инкрустирован драгоценными камнями, которые переливались всеми цветами радуги, отражая свет. На этом подносе лежал скипетр – символ царской власти. В его верхней части был изображён двуглавый орёл, величественно раскинувший свои крылья, а его тело было покрыто золотыми украшениями, сверкающими алмазами и рубинами, словно они сами источали божественное сияние.

Священнослужитель медленно подошёл к царю, каждая его ступень казалась наполненной весом вечности. Он остановился перед молодым правителем и, поднимая глаза к небесам, произнёс тихим, но проникновенным голосом:

– Прими скипетр сей, дарованный тебе самим Богом, – его голос звучал с такой силой, словно сотрясал стены храма. В этой фразе заключалась вся мощь, вся священность этого момента.

Молодой царь, сохраняя внешнее спокойствие, хотя в душе его бурлили волнения, медленно протянул руку к скипетру. Его пальцы, украшенные множеством перстней, блестящих от драгоценных камней, нежно, но уверенно обхватили символ власти. Перстни на его пальцах переливались на свету, отражая огонь свечей и солнечные лучи, создавая магическое сияние. Казалось, что сама рука царя была частью какого-то древнего мифа, воплощающего силу и величие власти. Его движения были плавными, но в них чувствовалась внутренняя твёрдость и решимость. Когда его пальцы крепко обхватили скипетр, в храме наступила глубокая, торжественная тишина. Все взоры были устремлены на эту сцену, на этот священный момент.

Каждая свеча, установленная по периметру храма, казалась замершей. Их пламя, дрожащее мгновение назад, теперь замерло в ожидании, как будто само время остановилось, давая возможность всем присутствующим впитать в себя каждую деталь этого момента. Казалось, что даже ветер, гуляющий по высоким сводам, замер в своём пути.

Священнослужитель, не торопясь, поднёс второй поднос, не менее богато украшенный, на котором ярко сверкала держава с крестом. Этот символ единства и силы был покрыт тонкими узорами из золота, а драгоценные камни, которыми он был усыпан, переливались в солнечных лучах, наполняя храм новым сиянием. Священник поднял державу, словно поднося её самим небесам, и с тем же глубоким благоговением, что и прежде, обратился к царю:

– Прими державу сию, дарованную тебе Богом, – голос его звучал теперь ещё глубже, и казалось, что каждое слово пронизывало воздух, достигая самых далёких уголков храма.

Царь медленно протянул вторую руку, столь же украшенную перстнями, как и первая, и уверенно взял державу. Теперь он стоял перед всеми собравшимися, держа в одной руке скипетр, а в другой – державу. Это был момент абсолютного признания, момент, когда власть была полностью передана ему.

Храм наполнился звуками шепота. Люди, находившиеся на коленях, тихо переговаривались между собой, но их голоса были едва различимы в этом величественном пространстве. Лишь немногие, стоявшие в первых рядах, вели себя нейтрально – это были послы и родственники царя. Их взгляды были спокойны, но в них читалась скрытая напряжённость. Они обменивались короткими, но значительными взглядами, словно пытаясь прочитать мысли друг друга, пытаясь понять, что этот момент мог означать для них.

Священник поднял руки, чтобы перекрестить нового царя, и произнёс молитву, его голос был пропитан священным трепетом:

– И ныне, и присно, и вовеки веков. Аминь.

Сразу после его слов храм наполнился могучими голосами церковных певцов. Их глубокие басы разнеслись по сводам, как громкие, но торжественные раскаты грома. Хор, состоящий из десятков голосов, заполнил каждый уголок храма, создавая ощущение священного могущества. Пение было величественным, и казалось, что сама церковь пела, её стены дрожали от звуков, её полы вибрировали от этих могучих голосов.

Все присутствующие начали креститься, кланяться, их тела словно подчинялись этому древнему ритуалу. Свечи, установленные по всему храму, закачались, пламя их вспыхнуло ярче от резонанса голосов певцов. Казалось, что сами огоньки пели вместе с хором, что каждый луч света стал частью этого великого момента.

Царь, стоявший в центре храма, был теперь не просто молодым человеком – он был воплощением власти и величия.

Величественная церемония, в центре которой стоял молодой Иван Васильевич, происходила в богатых стенах Московского Кремля. Взгляд его был устремлён прямо перед собой, но в нём было не просто сосредоточение, а вся мощь грядущего правления. Его фигура возвышалась на возвышении, а блестящие золотые символы власти – скипетр в правой руке и держава в левой – создавали образ незыблемого монарха, олицетворяющего силу Русского государства. Вокруг царя клубился воздух, наполненный благоговейным пением хора, чей многоголосый строй эхом отзывался в сводах величественного собора.

Священнослужители, облачённые в роскошные ризы, подходили к царю с урнами в руках, каждая из которых была наполнена звенящими золотыми монетами. Они с уважением, почти с трепетом, поднимали урны, и их содержимое мягко сыпалось, словно река, омывая ноги молодого государя. Монеты падали на пол, звонко перекатывались, формируя золотую гору под царскими ногами. Иван IV, не колеблясь, стоял как воплощение божественного права, возложенного на него. Его лицо оставалось спокойным, но его глаза, под бровями, казались глубже, проникновеннее, как будто он видел сквозь присутствующих.

Воздух вокруг царя был пронизан не только пением хора, но и тяжёлым звучанием басов и высоких фальцетов, что смешивались в единый торжественный гимн. Пение возвеличивало царя, возвышало его над всем происходящим, а зрители – приближённые, бояре, дворяне, иностранные послы – внимательно следили за каждым его движением. На лицах многих гостей начинала появляться улыбка – с каждым мгновением церемонии росло осознание, что они становятся свидетелями начала новой эпохи.

Среди собравшихся особенно выделялась одна фигура – молодая девушка, которая будущей царицей станет. Её глаза блестели, взгляд с восхищением был прикован к Ивану Васильевичу, и на лице её играла искренняя восторженность. Она с трудом сдерживала дыхание, чувствуя, как в груди бурлит неописуемое возбуждение от близости молодого царя. Каждый миг, когда золотые монеты продолжали сыпаться под его ноги, её волнение возрастало. Она не могла отвести от него взгляда, осознавая, что вот он, будущий владыка её сердца и целой страны.

В какой-то момент священнослужители с урнами закончили свою часть церемонии, отступая назад с почтительным поклоном. Под их ногами продолжала звенеть река из золота,

и как только они отошли, тяжёлый гул колокола начал заполнять пространство, наполняя его умиротворяющей, но сильной вибрацией. Царь, держа державу и скипетр, начал двигаться, выходя на середину под взглядом сотен глаз. Он остановился и, подняв голос, властно провозгласил:

– Ныне впервые великий князь московский венец царя всея Руси на себя возлагает! – его голос прозвучал громко и твёрдо, резонируя в зале, где каждый мог ощутить величие этого момента. – И тем на веки многовластию злокозненному боярскому на Руси предел кладет!

Он осмотрел собравшихся, видя, как слова его проникают в умы и сердца. Бояре, одетые в дорогие наряды, начали переглядываться, осознавая, что с этого момента многое изменится. Взгляды их становились настороженными, некоторые, как мать кузена, шептали друг другу слова недовольства. Женщина с суровым выражением лица тихо, но ясно прошептала кузену:

– Животворит князь, на боярскую власть руку поднял…

В это время зал наполнялся шёпотом, слышались негромкие, но тревожные обсуждения. Бояре и их ближайшие приближённые понимали, что теперь власть и сила, которая веками принадлежала их роду, начала отдаляться. Одни переглядывались с лёгким страхом, другие с решимостью готовились к предстоящей борьбе.

Иван Васильевич, видя, что напряжение растёт, продолжил свою речь, его голос звучал ещё более уверенно, мощно:

– Отныне русской земле единой быть! – его слова эхом отразились в стенах, и это заявление встревожило всех присутствующих. – И утверждаем мы войско служивое, стрелецкое постоянное!

Эти слова заставили бояр ещё сильнее вздрогнуть. Царь с проницательным взглядом обвёл всех присутствующих, его глаза словно пронизывали их мысли, как будто он предугадывал их реакции и планы. Он знал, что его слова вызовут нешуточные волнения, но его спокойствие и решимость оставались непреклонными.

– Но кто в тех войсках сам не сражается, тому в великих походах царских деньгами учувствовать велю, – добавил он, смягчив тон, словно пытаясь успокоить взволнованную толпу.

Мать кузена, стоявшая рядом с одной из своих подруг, презрительно прошептала ей на ухо:

– Это что же выходит? На свою голову деньги нести… На свою кончину.

Её слова звучали с явным презрением и недовольством, а во взгляде прослеживалась злоба. Иван Васильевич продолжал свою речь, теперь уже менее агрессивно, но всё так же уверенно:

– И святым монастырям великими своими доходами отныне в воинском деле учувствовать! – он почти кричал, обводя взглядом всех присутствующих, – Ибо казна их множится, а русской земле пользы с того нет!

Его последние слова прозвучали как гром среди ясного неба, и напряжение среди бояр стало нарастать. Они начинали шептаться друг с другом, переглядываясь из-под лба. Их лица стали суровыми, некоторые сжимали губы в негодовании, другие бросали испод лобные взгляды. Иностранные послы с каменными лицами молча наблюдали, их надменные выражения говорили о том, что они не принимали слова царя всерьёз.

Иван Васильевич, почувствовав, что его слова произвели нужный эффект, продолжил более мягким тоном, словно призывая к единству:

– Но что же наша отчизна как не тело, по локти и колени отрубленное. Верховье рек наших – Волги, Двины, Волхва – под нашей державой. А выход к морю в чужих руках!

Его речь прерывалась тяжёлым дыханием собравшихся, которые осознавали, что царь ведёт к неизбежным переменам. С каждым его словом лица становились всё более напряжёнными, особенно у иностранных послов. Их улыбки сменились грозными выражениями лиц, и даже самые уверенные из них начали осознавать серьёзность ситуации.

Великолепный зал Московского Кремля был полон знатных гостей, среди которых выделялись послы заморских держав, бояре, князья и представители духовенства. Атмосфера в помещении напоминала тяжёлую, невыносимую жару перед грозой – каждый присутствующий ощущал напряжение, но никто не смел его выразить открыто. Стены собора, украшенные иконами, золотыми иконостасами и тяжёлыми драпировками, словно давили на головы собравшихся, как будто сама церковная мощь стояла на страже происходящего.

В центре зала, возвышаясь, стоял Иван Васильевич. Его осанка была непоколебимой, а лицо – спокойным и сосредоточенным. Однако в его глазах читалась глубокая решимость и неподвластная ничьему влиянию власть. Он был моложе многих из тех, кто пришёл выразить своё почтение или явился с дипломатическими целями, но вся его фигура внушала страх и уважение. Этот день должен был стать поворотным моментом в судьбе не только Руси, но и всех земель, на которые Иван Васильевич возлагал свои амбиции.

Иван Васильевич медленно оглядел собравшихся. Его взгляд был проницательным и острым, как клинок, разящий безжалостно и точно. Он видел каждого – и тех, кто ему верно служил, и тех, кто ещё сомневался, и, конечно, тех, кто приехал издалека с улыбками на лицах, но с коварными намерениями в сердце. Царь продолжил говорить – его голос, глубокий и властный, эхом разнёсся по всему залу, проникая в самые отдалённые уголки:

– Ибо догма единым сильным слитным царством внутри твердым нужно быть и вовне.

Эти слова прозвучали с такой тяжестью и значительностью, что даже самые отдалённые уголки зала, казалось, содрогнулись. Каждый присутствующий будто бы ощутил на себе взгляд царя, который весил больше, чем самые тяжёлые кандалы. В этот момент зал погрузился в напряжённую тишину, прерываемую лишь редким дыханием гостей. Послы заморских держав, которые ещё минуту назад были оживлены и весело переговаривались, начали переглядываться. Их лица, ещё недавно украшенные надменными и чуть насмешливыми улыбками, стали серьёзными, а в глазах появилась тревога. Они понимали, что Иван Васильевич говорит не просто как монарх своей страны, а как человек, заявляющий о своих намерениях на весь мир.

Иван Васильевич, словно дождавшись эффекта от своих слов, ненадолго замолчал. Его лицо оставалось суровым, но теперь в его глазах появилось что-то новое – горечь и одновременно страсть. Он продолжил, его голос стал мягче, но от этого не менее решительным:

– Но что же наша отчизна как не тело, по локти и колени отрубленное? – начал он, и в его тоне чувствовалась глубокая скорбь. – Верховье рек наших – Волги, Двины, Волхова – под нашей державой, а выход к морю в чужих руках.

С каждым словом его голос становился всё более проникновенным, как будто он говорил не только к аудитории, но и к самому себе, осмысливая каждое произнесённое слово. Царь медленно поднял голову, и его взгляд снова прошёл по рядам гостей. Солнечный свет, проникающий через витражи, играл на его лице, отбрасывая тень двухглавого орла – символа власти Московского царства. Эта тень легла на лицо Ивана Васильевича, придавая его чертам почти демоническую величавость, подчеркивая его неоспоримую власть.

– Приморские земли отцов и дедов наших от земли нашей отторгнуты, – продолжил Иван Васильевич, и его голос теперь звучал с неумолимой твёрдостью. – А посему в день сей венчаемся мы на владение тех земель русских, что ныне до времени под другими государями лежат.

Его последние слова словно повисли в воздухе, заставив присутствующих затаить дыхание. Послы начали переглядываться ещё более настороженно. Раньше они пытались скрыть своё недовольство, но теперь их лица стали словно каменные, на них отразилось явное напряжение. Никто из них не ожидал, что Иван Васильевич так открыто заявит о своих намерениях. Особенно это не понравилось тем, кто представлял интересы западных держав, уже давно претендующих на влияние в этих землях.

– Два Рима пали, – сказал Иван Васильевич, и его голос стал ещё громче, ещё увереннее. – А третий – Москва – стоит, и четвёртому не бывать!

Его слова звучали как вызов всему миру, как грозный удар по гордости и амбициям западных государей. Лица послов, ещё недавно самоуверенные и исполненные презрения, изменились. Их губы сжались в тонкие линии, а глаза сверкнули гневом. Один из них, высокий и широкоплечий мужчина с массивными чертами лица, вскочил со своего места, словно не выдержав тяжести произнесённого:

– Папа этого не допустит! – закричал он, произнося эти слова на ломаном русском. Его голос звучал с явным вызовом и угрозой. – Император не согласится!

Его лицо было багровым от ярости, глаза широко раскрыты, а в голосе звенело негодование. Он махнул рукой в воздухе, как будто хотел отбросить произнесённые Иваном Васильевичем слова, словно они могли повредить его гордость и положение.

Другой посол, старый, но всё ещё грозный на вид, поддержал своего коллегу, крикнув:

– Европа не признает царя московского! – Его голос дрожал от ярости, а худое лицо исказилось в гримасе презрения.

Теперь все внимание было приковано к царю. Все ждали его реакции, но Иван Васильевич не спешил отвечать. Он стоял, словно скала посреди бушующего моря, непоколебимый и уверенный в своей правоте. Его взгляд оставался спокойным, но в глазах появилось нечто, что заставило замереть даже самых ярых противников.

Позади царя, в тени, стоял человек, менее заметный, но от него исходила некая загадочная уверенность. Он выступил вперёд, и его голос разнёсся по залу с неожиданной силой:

– Когда царь русский будет силён, все признают, – сказал он. – Никуда не денутся. Надо не допустить его силу.

Эти слова были как удар по лицу послам. В зале снова пронеслись шёпоты, а лица иностранных гостей стали ещё более напряжёнными. Они понимали, что перед ними разворачивается нечто большее, чем просто дипломатический спор. Иван Васильевич ясно дал понять, что Русь уже никогда не будет прежней.

Тогда из толпы, словно по знаку, выкрикнула женщина в роскошных, богатых одеждах. Её лицо было строгим, а глаза сверкали уверенностью. Это была мать кузена царя, и её присутствие добавляло происходящему ещё больше значимости. Она резко подняла руку, заставив всех замолчать, и громко прикрикнула:

– Сим празднованием свадьба назначена! Учиним же свадьбу этому хозяину!

Её голос прозвучал как команда, как последний аккорд, завершающий эту мощную и напряжённую церемонию.

В сердце древнего Кремля, за толщей белокаменных стен, таилась палата, чьи бархатные покровы впитывали тусклый свет свечей. Огоньки, заточённые в тяжёлые канделябры, рассыпали по стенам причудливый танец теней, рисуя картину, полную мрака и тайны. В этом укромном уголке царских чертогов, где каждый вздох звучал подобно грому, сошлись двое, чья беседа грозила перекроить судьбу целого государства.

Один из них, юноша, облачённый в роскошь, словно сотканную из лучей заходящего солнца, излучал тревогу, несмотря на блеск своего наряда. Его русые кудри, уложенные с изяществом придворного щёголя, обрамляли лицо, на котором печать достоинства боролась с тенью внутреннего смятения. Пальцы, унизанные самоцветами, нервно сжимались в кулаки, высекая искры из драгоценных камней.

Напротив него, словно воплощение самой тьмы, застыл второй собеседник. Его чёрные одежды, казалось, поглощали свет, превращая мужчину в живую тень. Глаза его, холодные, как лёд на Москве-реке, излучали пронзительный ум и скрытую угрозу. Когда он заговорил, его слова, подобно ядовитому туману, заполнили пространство между ними:

– Отчего Иоанну дарована такая милость? – произнёс он, и голос его был подобен далёкому раскату грома. – Почему Курбский, чей род не менее почётен, склоняет колено перед Иоаном? Не в Ярославле ли должен воссиять трон Руси, а не в Москве?

Каждое слово падало, как удар кузнечного молота, высекая искры ярости в глазах молодого князя. Его пальцы, украшенные перстнями, побелели от напряжения, а лицо исказилось маской едва сдерживаемого гнева. Резко развернувшись, он устремился к выходу, и богатые одежды взметнулись за ним, словно знамя восстания.

Его шаги, гулко отдававшиеся в пустоте палаты, были полны решимости и ярости. Каждый удар каблука о каменный пол звучал как вызов самим небесам. Человек в чёрном провожал его взглядом, в котором читалось тайное удовлетворение и настороженное ожидание.

Когда эхо шагов растаяло в глубинах дворца, тёмная фигура медленно двинулась к противоположному выходу. Его движения были плавными и осторожными, но в них чувствовалась неумолимая целеустремлённость хищника, идущего по следу жертвы.

Тишина вновь окутала покои, но это было затишье перед бурей. В воздухе висело предчувствие грядущих потрясений, готовых захлестнуть Русь волной гнева и перемен, подобно могучему валу, что сметает всё на своём пути.

2 глава: На Казань!

Высокие своды палат, расписанные искусными мастерами, уходили ввысь, теряясь в полумраке. Огромные подсвечники, украшенные затейливой резьбой, бросали причудливые тени на стены, создавая атмосферу таинственности и величия. Широкие каменные ступени вели к полу, выложенному искусной плитой, где уже собрались гости.

Столы ломились от яств, достойных царского пира. Золотые блюда с жареными лебедями соседствовали с серебряными подносами, полными осетровой икры. Медовые пряники и пышные пироги источали ароматы, от которых кружилась голова.

В центре зала, словно два солнца, сияли молодые – Иван Васильевич и его невеста, теперь уже жена. Они сменили венчальные одежды на белоснежные наряды, расшитые золотыми узорами. Ветви и цветы, вышитые искусными мастерицами, словно оживали под светом свечей.

Девичий хор, расположившийся на галерее, заливался соловьями, их голоса, чистые и звонкие, наполняли пространство неземной красотой. Иван, не в силах оторвать взгляд от своей суженой, нежно коснулся ее губ. Поцелуй, долгий и страстный, казалось, остановил время.

Когда влюбленные наконец оторвались друг от друга, они, следуя древнему обычаю, поклонились гостям. Митрополит, облаченный в черные ризы, расшитые золотом, вместе со своими служителями поднял серебряный кубок:

– Во славу царя всея Руси! – провозгласил он, и его голос, глубокий и звучный, эхом разнесся по палатам.

Бояре и служивые люди, бородатые мужи в соболиных шубах, разом повернулись от столов. Их руки, унизанные перстнями с драгоценными камнями, подняли тяжелые кубки.

– Слава! Слава царю Ивану Васильевичу! – раздался многоголосый хор, от которого, казалось, задрожали стены.

Иван Васильевич, улыбаясь, взял огромный кубок, инкрустированный рубинами и изумрудами. Его глаза, лучистые от счастья, окинули взглядом собравшихся.

– Что-то сильно Москва белокаменная колоколами разразилась, – пошутил он, и его голос, молодой и звонкий, разнесся по залу.

Ефросинья Старицкая, стоявшая неподалеку, не смогла сдержать язвительной усмешки. Ее глаза, холодные и колючие, встретились со взглядом митрополита.

– Радость народная по Руси несется, – проговорила она, многозначительно кивая в сторону царя. В ее голосе слышалась плохо скрываемая ирония.

Иван, словно не заметив этого выпада, поднес кубок к губам своей жены. Анастасия, зардевшись, сделала глоток. Ее глаза, полные любви и обожания, не отрывались от лица мужа.

Ефросинья Старицкая, не выдержав этой идиллии, схватила огромный кубок с вином. Ее лицо исказилось, словно от боли, и она, почти рыча, выкрикнула:

– Горько!

Бояре, уже изрядно подвыпившие, с набитыми ртами подхватили ее призыв. «Горько! Горько!» – неслось со всех сторон, сливаясь в единый гул.

И снова кубки взметнулись вверх, и снова вино полилось рекой. Иван, не заставляя себя долго упрашивать, притянул к себе Анастасию. Их поцелуй был страстным и долгим, вызывая одобрительный гул среди гостей.

Атмосфера в палатах была пропитана радостью и весельем, но внимательный наблюдатель мог заметить напряженные, почти враждебные взгляды, которыми обменивались некоторые из присутствующих. Колокола продолжали звенеть, их мелодичный звон проникал даже сквозь толстые стены палат.

По знаку митрополита священнослужители также подняли свои кубки. Ефросинья, не прекращая сверлить взглядом целующуюся пару, медленно поднялась со своего места. Ее рука, державшая кубок, слегка дрожала.

– Горько! – снова воскликнула она, и ее голос, звонкий и резкий, прорезал общий гул.

Ефросинья помахала кружевным платочком и, покачиваясь, направилась вдоль зала. За ней, словно тени, следовали слуги с подносами, уставленными кубками и чашами с вином. Она шла, кланяясь и улыбаясь всем встречным, но ее улыбка была наигранной и театральной.

Сын Ефросиньи, кузен Ивана Васильевича, подскочил к матери, накинул на плечи матери роскошную шубу, расшитую золотом и серебром. Ефросинья, благодарно кивнув сыну, нырнула в низкий проход в стене, украшенный изображениями двух ангелов с распростертыми крыльями.

Она медленно спускалась по ступеням в полумраке, где каждый шаг звучал как лёгкий шёпот в абсолютной тишине. Вокруг неё была полу тьма, только изредка прорезаемая тусклым светом факелов, оставляющих длинные, танцующие тени на стенах. Платье, обвивавшее её фигуру, мягко шуршало, когда она перемещалась, как будто само ощущение тяжести времени проникало в каждый её шаг.

В великолепно украшенном зале, где расцвеченные золотыми узорами стены и высокие резные потолки отражали свет множества свечей, виночерпии, одетые в дорогие и великолепные одежды, приблизились к царскому трону. Они были облачены в богатые одеяния, с тканями, переливающимися золотыми нитями и драгоценными камнями, которые игриво мерцали в свете факелов. Их лица были озабочены, выражая тревогу и печаль, которые явно не соответствовали торжественному событию.

Царь Иван Васильевич, сидящий на своём троне, заметил, что даже на таком празднике, как его коронация, виночерпии не могут скрыть своё внутреннее напряжение. Он, с лёгкой улыбкой на губах, которая лишь слегка проскользнула через его обычно суровое лицо.

– Отчего же, друзья мои, ваши лица такие хмурые? – спросил он, в голосе его звучала весёлая нотка, которая явно контрастировала с мрачным настроением виночерпиев. – Или праздник вам не по душе?

Виночерпии переглянулись, и их лица не претерпели никаких изменений, как бы ни старались они скрыть своё истинное состояние. Один из них, который стоял в центре внимания, в богатых одеждах с золотыми шнурами и драгоценными камнями, пожал плечами и с трудом сдержал печальную улыбку.

– Да, царь, бывает так, – сказал он, и в его голосе звучала нотка тоски, словно он уже был давно знаком с горькой истиной, которую пытался скрыть. – В народе говорят, что с новой женитьбой старой дружбе конец.

Эти слова, произнесённые с тяжёлым, выжидательным тоном, вызвали моментальную реакцию среди присутствующих. Жена Ивана Васильевича, облачённая в изысканное платье, с ореолом строгости и властности, обернулась и устремила на виночерпия взгляд, полный непреклонной строгости. Её глаза сверкающими, как стальные клинки, пронзали окружающих.

Царь, заметив эту перемену в атмосфере, обернулся к виночерпиям и, всматриваясь в их лица, продолжил расспрашивать, словно пытался вырвать из них скрытые эмоции.

– А что же Фёдор Колычёв скажет по этому поводу? – спросил он, его взгляд был сосредоточен на другом виночерпии, стоявшем с кувшином в руке, который явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Фёдор Колычёв, более старший из виночерпиев, с глубоким вздохом и опущенной головой, ответил, как будто каждое слово давалось ему с большим трудом:

– Порвать с древними обычаями, царь, нехорошо. Через это великая смута может возникнуть. Но я не смею идти против царя, и рядом с тобой идти тоже не могу. – Его голос был полон смирения и растерянности, отражая внутреннее раздвоение между долгом и личными чувствами.

Царь, внимательно выслушав Фёдора, откинулся на своём троне, и на его лице появилась грозная и суровая выражение. Взгляд Ивана Васильевича, полный могучего гнева, был сосредоточен на виночерпии, и его голос пронзил воздух, как молния.

– Здесь царя земного на царя небесного меняешь? – прогремел его голос, насыщенный гневом и властностью, словно он судил виночерпия за его выбор.

Фёдор отвёл взгляд, и его лицо покраснело от стыда. Однако царь, почувствовав, что его гнев мог разрушить не только праздник, но и людей, которые его окружают, смягчил свою интонацию. Тон его стал тише, но сохранил оттенок властности.

– Не стану я между тобой и царём небесным становиться, – произнёс Иван Васильевич, его голос был полон некоторой мягкости. – Ступай в монастырь, молись. За всех грешных молись.

Но, прежде чем Фёдор успел осознать облегчение от слов царя, Иван Васильевич резко подскочил с трона и схватил Фёдора за плечо, как будто решив исправить ситуацию в последний момент. Его глаза сверкали решимостью, и он произнёс слова, полные настойчивости.

– И помни, Фёдор, когда нужда будет позову. Приди на зов.

Царь и Фёдор обнялись крепко, словно братья. Объятие было настолько страстным и тёплым, что казалось, оно преодолело все преграды и расстояния, разделяющие их.

Ефросинья сидела, всматриваясь в полу мрак. В полумраке, снизу, из другого прохода, вдруг выскочило несколько человек. Они торопливо поклонились ей. Один из них, суетливо подбежав, наклонился к ней и начал шептать что-то на ухо. Это был Малюта Скуратов. Он, не теряя времени, сообщил ей о том, что толпа направилась к царским хоромам, собираясь жечь Глинских. Толпа уже двигалась к царю, требуя его.

Ефросинья, услышав это, выпрямилась и, словно прощаясь, кивнула Скуратову, вернувшись в тот же проход, откуда пришла, рядом с идущими слугами, несущими яства. Она осмотрелась вокруг – по палатам несли еду, среди которой были лебеди, запечённые до золотистого блеска, столь реалистично оформленные, что казалось, будто они вот-вот взлетят. Слуги шли с глиняными чашами, большими, выполненными в форме животных – лебедей, кабанов. В каждой такой посуде лежали различные яства: мясо, фрукты, густые соусы, аромат которых наполнял воздух, возбуждая аппетит у всех присутствующих.

Девичий хор продолжал петь, радуя своим пением всех собравшихся. Голоса дев наполняли зал мелодией, создавая атмосферу торжества и праздника, которая словно закручивалась в вихре еды и песен, образуя вокруг царя и его трона нечто волшебное. Слуги с посудой в форме животных шли по кругу, словно образуя хоровод, и это зрелище было столь впечатляющим, что жена Ивана Васильевича захлопала в ладоши от радости и веселья, её лицо озарилось улыбкой. Ей явно нравилось происходящее, и она искренне восхищалась всем увиденным.

Андрей Курбский, тот самый молодой человек, который был в сговоре в подвале, сидел за столом. Он поднял кубок, полный вина, и в один миг выпил его до дна. Затем, как будто охваченный внезапным порывом, вскрикнул на весь зал. Его глаза встретились со взглядом жены Ивана Васильевича, и этот взгляд был чересчур долгим, почти непозволительным. Они смотрели друг на друга так, как не стоило бы смотреть в подобной обстановке. Этот момент тянулся, пока Курбский, словно решившись на что-то, не взял кубок и со всей силой бросил его на пол. Кубок с грохотом разбился, и этот звук разлетелся эхом по всему залу, заставив всех на мгновение замереть.

Люди, простолюдины в обычной, поношенной одежде, с факелами в руках и грубыми палками, выскользнули из того же прохода, откуда минутой ранее вышел Малюта Скуратов. Их лица были полны гнева и злобного напряжения, будто каждая жилка в их телах натянулась до предела, готовая лопнуть в порыве ярости. Они двигались спешно, их шаги отдавались глухим эхом в сводах хором, словно предвестники грядущей бури.

Иван Васильевич, заметив движение, вскочил с трона. Его лицо напряглось, глаза метнулись по залу в поисках угрозы, и тревога быстро окрасила его мысли. Эти оборванцы, грязные, с изможденными лицами, отчаянно схватились за алебарды охранников, пытаясь прорваться к царю. Их порывы были грубыми, но решительными, и они отчаянно кричали:

– К царю! К царю!

Охранники, натренированные и преданные своему делу, преградили дорогу толпе, выставив вперед огромные алебарды. Они отталкивали разъяренных людей мощными тычками, сдерживая натиск, и острия оружия впивались в воздух перед лицами наступающих. Кричащая толпа не прекращала рваться вперед, их руки тянулись к оружию, а их лица полнились гневом.

– Назад! – раздавались крики охранников, но это лишь подогревало ярость в толпе.

Вскоре белокаменные палаты были заполнены людьми – гневными, кричащими, с факелами в руках, вооружёнными простыми палками и самодельными орудиями. Слуги и бояре в страхе отступали к стенам, наблюдая за происходящим, но не осмеливаясь вмешаться.

Один из бояр, с бородой, подбежал к окну. Он, словно в ужасе, распахнул его и, вытянув шею, всмотрелся в улицы города.

– Замоскворечье горит! Пожар! – закричал он, и его голос эхом пронесся по залу, добавляя паники в общую атмосферу.

Бородатые бояре бросились к окнам, расталкивая друг друга локтями, каждый стараясь первым увидеть происходящее. Они переглядывались в тревоге, шепотом передавая друг другу новости о пожарах и разрушениях.

Иван Васильевич, видя нарастающую угрозу, выбежал вперед, за спины своих телохранителей, и громко закричал, поднимая руку:

– Пустите народ!

С этими словами он собственными руками развел алебарды охранников, приказав им дать дорогу. Толпа мгновенно прильнула к нему ближе, простолюдины двигались вперед, теснясь к своему царю. В их глазах горела смесь отчаяния и гнева, вызванного всем, что происходило вокруг.

Один из мужиков, крепко сжав рукоять массивного подсвечника, бросился на царя, намереваясь нанести удар по голове. Но в тот момент Андрей Курбский, стоявший неподалеку, решительно рванулся вперед. Он перехватил руку нападавшего и, заслонив своим телом Ивана Васильевича, сдержал агрессию. Фёдор, находившийся рядом, тоже подскочил и заломил руку мужика за спину. Они вдвоем скрутили его, грозно и молча глядя ему в глаза, как хищники, готовые растерзать свою жертву.

Мужик, словно очнувшись, замер на мгновение. Его взгляд, полон удивления, медленно повернулся к Ивану Васильевичу. Он смотрел на царя, как на призрак, не веря своим глазам.

– Царь… – выдавил он из себя, с трудом осознавая, что перед ним действительно стоит тот самый Иван Васильевич, живой, здоровый и полон сил.

Иван Васильевич окинул взглядом всех собравшихся. Его глаза, холодные и властные, словно молотом ударили по вбежавшим в палаты мужикам. В тот момент, один лишь взгляд царя заставил толпу замереть на месте. Простолюдины опустили головы, их лица вытянулись от страха, а шапки были тут же заломлены в покорном жесте. Они медленно опустились на колени, не осмеливаясь больше даже смотреть в сторону царя.

Из толпы раздался громкий голос:

– Околдован царь!

Это был юродивый, в изорванной одежде, с длинной палкой, на которой висели засохшие ветви. Он, с грязной и рваной одеждой, шагал вперед, тыкая в царя грязным пальцем, его голос гремел по залу:

– Околдован царь Глинскими-Захаренными! – кричал он, размахивая своей палкой, как пророк, указывающий на своего врага.

Другие мужики в толпе подхватили этот крик:

– На родню царицыну челом бьем! На Глинских-Захаренных управы просим!

Юродивый продолжал свой безумный монолог, качаясь из стороны в сторону, словно в каком-то трансе:

– Из людей сердца вынимают! Кровью людской дома кропят! Из той крови огонь зарождается, и дома горят!

Толпа содрогалась от этих слов, их лица искажались в гневе и страхе. Мужик, которого Курбский и Фёдор держали, вырвался и громко закричал:

– Над Москвой знамёна страшные!

Ефросинья, которая до этого наблюдала за происходящим из-за угла, продолжала скрытно выглядывать, не ввязываясь в события. Она стояла в тени, её глаза внимательно следили за каждым движением в зале.

Мужик снова закричал, указывая в окно:

– Колокола сами падают!

Иван Васильевич стоял, выпрямившись, расправив плечи, словно тянул на себе всю тяжесть царской власти. Лицо его оставалось строгим, но в глубине глаз мерцало что-то острое и опасное.

– Чары, говоришь? – произнёс он, словно смакуя это слово. Его голос, глубокий и низкий, звучал слабо, как предвестие грозы, и начинал усиливаться с каждым словом. – Колокола, мол, попадали?

Он шагнул вперед, и взгляд его становился всё более острым, проникающим в самую душу каждого, кто осмеливался встретиться с ним глазами. Один из мужиков, тот самый, что только что выкрикивал про колокола и чары, замер, чувствуя, как ноги его предательски ослабели.

– А голова-то, которая в эти чары верит, – продолжил Иван Васильевич, поднимая брови с выражением едва сдерживаемого презрения, – не пуста ли сама?

Фёдор, стоящий чуть в стороне, усмехнулся и, шагнув к мужику, громко постучал кулаком по его затылку. Удар прозвучал звонко, как по дереву, а мужик вздрогнул, и лицо его исказилось смесью страха и боли.

– Эх ты, болван, – бросил Фёдор с насмешкой, глядя на оцепеневшего мужика.

Толпа вокруг начала перешёптываться, первые неловкие смешки раздались где-то с края зала, но вскоре вся палата разразилась громким хохотом. Смех, сперва осторожный, постепенно разрастался, превращаясь в шумный водоворот голосов. Мужики смеялись, словно забыв, зачем они здесь, и что их привело.

Иван Васильевич, холодно глядя на эту сцену, подождал, пока смех утихнет, прежде чем продолжить. Его голос снова наполнил пространство палаты:

– Ну, а голова твоя, может, сама и слетит? – спросил Фёдор, всё ещё ухмыляясь, глядя на мужика с некоторой жестокостью в глазах.

Царь, медленно и почти ласково кивнув в сторону мужика, заговорил с холодным, леденящим голосом:

– Чтоб слетела, надо рубить! – добавил Иван Васильевич, и его голос звучал как приговор.

Мужики, стоявшие вокруг, переглянулись, и на их лицах пробежала тень сомнения и страха. Один из них, почувствовав это напряжение, машинально потянулся к шее, словно уже ощущая холод лезвия на своей коже.

Царь шагнул вперёд, и его фигура, мощная и властная, словно зловещая тень, приблизилась к толпе. Он медленно развёл руками, как бы разгоняя алебарды охраны, и простолюдины отступили, давая ему дорогу.

– Колокола, – продолжил Иван Васильевич с насмешкой, – сами не могут упасть. А кто без царского веления их срезал? Того недолго и головы подрезать.

Мужики зашептались ещё громче. Некоторые переговаривались между собой, покосившись на царя, другие испуганно опускали головы, понимая, что царь говорил правду. Глухие, тяжёлые шепоты распространялись по залу, и до слуха царя доносилось:

– Не заколдован, царь-то… Всё понимает, царь справедлив.

Царь поднял руку, жестом призывая тишину, и его голос снова загремел, заполняя пространство:

– Срезать голову буду беспощадно! – прогремел он, обведя грозным взглядом всех присутствующих. Лицо его, будто высеченное из камня, выражало решимость. – Указ царя даёт право изводить крамолу, и измену боярскую с корнем рвать!

Тут взгляд Ивана Васильевича задержался на уголке зала, где из тени едва виднелась фигура Ефросиньи. Он знал, что она слышит, и понимал, что её присутствие значило больше, чем просто наблюдение.

– Царству без силы не бывать! – почти крикнул он, чувствуя, как его слова разливаются по залу, заполняя души простых людей уверенностью. – Как конь без узды не может нести царя, так и царство без силы не устоит!

В это время, за спинами царя и его мужиков, тихо и незаметно Андрей Курбский подошёл к жене Ивана Васильевича. Она стояла, сохраняя неподвижность и испуг, но, когда его рука легла на её плечо, она резко схватила её, не оборачиваясь. Лишь на мгновение её лицо исказилось от внезапного ощущения, но потом она твёрдо и тихо сказала:

– О таком, князь, и думать не смей. Не бывать тому, что у тебя на уме. Я верная раба царя московского, и стою на пути великого служения.

Курбский, чувствуя холод её слов, отдёрнул руку, а её фигура оставалась неподвижной, словно гранитная статуя. Царь же, не обращая внимания на происходящее, продолжал свою речь, глядя на мужчин перед собой:

– Земли наши, воды русские обильны, да порядок в них мал. Но не варягов будем призывать, а сами порядок наведём!

С этими словами толпа взорвалась криками одобрения. Мужики, ободрённые его решительными словами, выкрикивали в поддержку, их лица, казалось, светились от внутреннего подъёма.

– Крамолу изведём! – продолжил царь, его голос перекрывал шум толпы, будто гром с небес. – А людей работящих, посадских, в обиду давать не будем!

В палатах Кремля царило небывалое оживление. Воздух, казалось, звенел от напряжения и предвкушения грядущих событий. Иван Васильевич, грозный царь всея Руси, стоял посреди зала, окруженный толпой взбудораженных мужиков. Его глаза горели решимостью, а каждое слово, слетавшее с уст, падало в толпу, как искра в сухую солому.

– Не бывать больше унижениям на земле русской! – гремел голос царя, эхом отражаясь от стен белокаменных палат.

Толпа мужиков, словно единый организм, вторила каждому его слову. Лица их раскраснелись, глаза блестели, а руки то и дело взлетали вверх в едином порыве.

– Правда твоя, государь! – кричали они, их голоса сливались в единый гул. – Не дадим басурманам землю нашу топтать!

В этот момент к Ефросинье, стоявшей чуть поодаль и с тревогой, наблюдавшей за происходящим, подбежал запыхавшийся слуга. Его лицо было бледным, а глаза широко раскрыты от волнения.

– Там, – прошептал он, склонившись к её уху, – там… там трое к царю ломятся. Послы, говорят.

Ефросиния нахмурилась, её тонкие брови сошлись на переносице. Она резко повернулась к слуге, её голос прозвучал грозно и властно:

– Из Казани?

Слуга лишь кивнул, не в силах произнести ни слова.

– Впусти, – приказала она, и в её глазах мелькнула тревога.

Через несколько мгновений двери палаты распахнулись, и в зал вошли трое послов в сопровождении охраны и воинов казанского ханства. Их появление было подобно внезапному порыву ветра, ворвавшемуся в душное помещение.

Одежды послов поражали своим великолепием и экзотичностью. На них были длинные, до пят, халаты из тончайшего шелка, расшитые золотыми нитями. Узоры, покрывавшие ткань, рассказывали древние легенды степных народов – здесь были и летящие орлы, и быстроногие кони, и цветущие сады. Пояса, украшенные драгоценными камнями, подчеркивали стройность фигур. На головах послов красовались высокие меховые шапки, отороченные соболем – символ власти и богатства.

Воины, сопровождавшие послов, были облачены в кольчуги тонкой работы, поверх которых были надеты кафтаны из плотной кожи, украшенные металлическими бляхами. На их головах сидели остроконечные шлемы, а за спинами виднелись колчаны со стрелами и изогнутые сабли.

Трое послов, расталкивая охрану, пробились ближе к царю. Главный из них, высокий мужчина с пронзительными черными глазами и окладистой бородой, выступил вперед. Его взгляд был дерзким и вызывающим.

– Казань Москва дружбу рвёт, – произнес он на ломаном русском, каждое слово словно выплевывая. – Союз Москва кончается. Казань на Москву войной идет.

Он сделал паузу, оглядывая собравшихся. Его губы искривились в презрительной усмешке.

– Казань большой, – продолжил он, широко разводя руки. – Москва маленькая.

Посол показал мизинец, и его спутники захохотали, словно услышав отличную шутку.

– Москва кончится, – завершил он свою речь, и в его голосе звучала неприкрытая угроза.

Один из сопровождающих послов шагнул вперед, протягивая сверток. Главный посол взял его и продолжил, растягивая слова:

– Наш великий хан посылает подарок… князю.

Он сделал акцент на последнем слове, давая понять, что не признает царского титула Ивана Васильевича.

– Русский царь, – посол помахал рукой, словно отгоняя надоедливую муху, – позор не имей. Русский царь сам себя кончай.

Эти слова, произнесенные с нескрываемым презрением, повисли в воздухе подобно тяжелой грозовой туче. В зале воцарилась мертвая тишина. Казалось, даже воздух застыл в ожидании реакции Ивана Васильевича.

Царь, до этого момента сохранявший каменное выражение лица, вдруг резко подскочил к послу. Его движения были стремительны и полны едва сдерживаемой ярости. Он развернулся спиной к послу и обратился к собравшимся мужикам. Его голос загремел, наполняя палату:

– Видит Бог, не хотел русский царь брани!

Затем он резко обернулся к послу. Его глаза, горевшие праведным гневом, встретились с надменным взглядом казанца. Расстояние между ними было столь мало, что они могли чувствовать дыхание друг друга.

– Прошли те времена, – прорычал Иван Васильевич, каждое слово звенело, как удар меча о щит, – когда иноземец бренный безнаказанно смел вторгаться на землю русскую!

С неожиданной силой царь схватил посла за плечи и резким движением поставил его на колени. Толпа ахнула. В руке Ивана Васильевича блеснул нож, который он занес над головой посла.

– И нож сей, – продолжил царь, его голос дрожал от еле сдерживаемой ярости, – тех пронзит, кто руку на Москву поднял!

Напряжение в зале достигло апогея. Казалось, еще мгновение – и лезвие вонзится в плоть посла. Но вдруг Иван Васильевич отпустил казанца и с силой бросил нож на пол. Клинок зазвенел, ударившись о каменные плиты, и закружился, отражая свет свечей и блики от золотых окладов икон.

– С Казанью покончим! – выкрикнул царь, его голос громом разнесся по палатам. – Сами на Казань пойдем!

Эти слова словно прорвали плотину. Мужики, до этого момента застывшие в напряженном ожидании, вдруг подорвались на ноги. Их крики заполнили пространство:

– Идём на Казань! Наказание басурманам!

Радостные возгласы, подобно волне, прокатились по палатам Кремля. Мужики, охваченные воинственным пылом, размахивали руками, бросали вверх шапки, стучали палками о пол. Их лица светились от предвкушения грядущей битвы.

В этот момент к послу подскочил тот самый мужик, которого ранее скрутили Федор и Андрей. Его лицо было искажено яростью, глаза горели праведным гневом. Он схватил посла за грудки, притянул к себе так близко, что их носы почти соприкасались.

– Слушай-ка сюда, – прорычал он, его дыхание обдало лицо посла запахом кваса и чеснока. – Казань маленькая!

Он показал мизинец, передразнивая предыдущий жест посла.

– А Москва, – продолжил он, его голос нарастал, как приближающийся гром, – большая!

И он выбросил вперед огромный кулак, чуть не задев нос казанца.

Схватив посла за шиворот, мужик потащил его к выходу. Вся толпа, еще недавно стоявшая перед царем, теперь хлынула на улицу. Они бежали, размахивая палками, подбрасывая шапки в воздух, их крики «На Казань! На Казань!» эхом отражались от стен Кремля.

В этот момент к Ивану Васильевичу подошла его жена, Анастасия Романовна. Её лицо было бледным, но в глазах читалась решимость. Она протянула руку князю Андрею Курбскому, который тут же склонился в почтительном поцелуе. Анастасия пристально посмотрела на него, словно пытаясь прочесть его мысли, а затем позволила увести себя.

Иван Васильевич, охваченный воодушевлением момента, громко объявил:

– Головной полк на Казань поведёт Андрей Курбский!

Курбский, услышав эти слова, бросился к царю. Он схватил руку Ивана Васильевича, украшенную драгоценными перстнями, и начал яростно целовать каждый палец, бормоча слова благодарности и клятвы верности.

Каждый раз, когда царь выкрикивал «На Казань!», толпа отвечала громогласным «На Казань!», их голоса сливались в единый рев, подобный реву бушующего моря.

В тени, все дальше отступая в глубину палат, пряталась Ефросинья. Её лицо выражало тревогу и озабоченность. Она словно пыталась укрыться от этого крика, охватившего Кремль.

А в центре всего этого водоворота стоял Иван Васильевич, крепко обнимая свою жену Анастасию. Его глаза горели огнем предстоящей битвы, а голос, охрипший от криков, все повторял и повторял:

– На Казань! На Казань!

Эти слова, подхваченные толпой, разносились по всему Кремлю, выплескивались на улицы Москвы, неся весть о грядущем походе. Воздух звенел от возбуждения, предвкушения и страха перед неизвестным будущим.

3 глава: Зной и сталь

Знойный летний день тяжело навис над бескрайними просторами, словно раскаленный купол, под которым изнывала земля. Прошел месяц с начала похода, и русское войско, подобно огромной, неторопливой змее, медленно ползло по каменистому тракту, оставляя за собой шлейф пыли, поднимающейся к безжалостному небу.

Здоровенные мужики, облаченные в васильковые кафтаны, натужно тянули огромные колеса тяжелых пушек. Их могучие руки, покрытые венами и мозолями, напрягались до предела, лица искажались гримасами усилия. Железные шлемы, нагретые палящим солнцем, казалось, вплавлялись в их головы. Пот градом катился по измученным лицам, оставляя светлые дорожки на покрытой пылью коже. Время от времени кто-нибудь из них останавливался, чтобы утереть лоб рукавом или сделать глоток воды.

Вдоль растянувшегося каравана степенно шествовали священнослужители, бережно неся хоругви, массивные кресты и дымящиеся кадила. Их присутствие в военном походе казалось необходимым, но придавало всему действу особую торжественность, словно благословение самого неба на ратный подвиг. Пестрые ризы священников, расшитые золотом и серебром, резко контрастировали с суровыми, потускневшими от пыли доспехами воинов. Бородатые лица отцов были исполнены важности и смирения, но и они не могли скрыть усталости от долгого пути.

Природа вокруг дышала летним зноем, изнывая под палящими лучами. Пыльная каменистая дорога, словно огромная серая змея, извивалась между пологими холмами, поросшими редким кустарником. Редкие деревья, искривленные ветрами, тянули свои ветви к небу, словно моля о дожде. Вереница пеших и конных солдат растянулась на многие версты, насколько хватало глаз. Люди двигались молча, сберегая силы, лишь изредка перебрасываясь короткими фразами или подбадривая друг друга взглядами.

Тяжелые пушки, украшенные замысловатыми ликами львов, рыб и птиц – творения искусных мастеров – с неимоверным трудом затаскивали на крутые подъемы. Колеса скрипели и стонали, готовые вот-вот развалиться под тяжестью орудий. Служивые люди, натягивая жилы, несли сверкающие на солнце алебарды, их острия грозно поблескивали, обещая смерть врагам. Лица воинов были суровы и сосредоточены, в глазах читалась решимость и готовность к предстоящей битве.

На горизонте клубился черный дым, восходящий к безоблачному небу подобно зловещему столпу. Что-то большое горело вдалеке, напоминая о близости войны и разрушений. Этот дым, казалось, был предвестником грядущих сражений, и многие воины украдкой бросали в ту сторону тревожные взгляды, крестясь и шепча молитвы.

Впереди, на небольшом возвышении, гордо возвышался шатер полководца. Его остроконечный верх, увенчанный золотым двуглавым орлом, напоминал шлем исполинского воина, готового к бою. Полотнища шатра, расшитые сценами былых побед, слегка колыхались на ветру. Вокруг шатра суетились слуги и стража, поддерживая порядок и готовясь к любым прихотям своего царя.

Внезапно полог шатра распахнулся, словно занавес перед выходом главного героя на сцену, и оттуда, щурясь от яркого света, вышел сам Иван Васильевич. Его появление вызвало волну движения среди приближенных – кто-то склонился в поклоне, кто-то выпрямился, готовый отдать приветствие.

Царь был облачен в украшенные доспехи, каждая деталь которых кричала о власти и могуществе своего обладателя. Сверкающая кираса, покрытая искусной чеканкой, отражала солнечные лучи, создавая вокруг царя сияющий ореол. Массивные поручи защищали руки, а длинная кольчуга, спускающаяся до колен, мелодично позвякивала при каждом движении.

Поверх всего этого великолепия был наброшен роскошный плащ, расшитый, который развевался на легком ветру, словно крылья огромной хищной птицы.

Иван Васильевич медленно, с достоинством прошел несколько шагов вперед, его взгляд был устремлен вдаль, туда, где виднелась Казань. Его глаза, глубоко посаженные под густыми бровями, были полны решимости и холодного расчета. Морщины на лбу и вокруг рта говорили о тяжести государственных забот и бремени власти. Царь поднял руку, прикрывая глаза от солнца, и еще более пристально всмотрелся в горизонт, словно пытаясь разглядеть будущее.

Рядом с шатром, готовые в любой момент дать совет своему государю, стояли верные полководцы и священнослужители. Они переминались с ноги на ногу, бросая на царя почтительные, но внимательные взгляды, готовые уловить малейший знак, требующий их вмешательства или совета.

Неподалеку, подобно живой стене, выстроилась личная гвардия царя – отборные воины в сияющих доспехах, с алебардами наперевес. Их лица были непроницаемы, как маски, но в глазах читалась абсолютная преданность своему повелителю. Присутствие этих воинов внушало уверенность соратникам и трепет врагам.

Высоко в небе, словно безмолвные свидетели происходящего внизу, лениво проплывали редкие облака. Их тени скользили по земле, на мгновение принося облегчение изнывающим от жары людям.

Иван Васильевич, стоя на возвышении, неторопливо окинул взором раскинувшийся у подножия холма военный лагерь. Его взгляд был цепким и внимательным, подмечающим малейшие детали. Повсюду виднелись палатки разных размеров и форм – от простых солдатских до богато украшенных шатров военачальников. Между ними, подобно муравьям в огромном муравейнике, сновали люди, готовясь к бою в Казани. Кто-то чистил оружие, кто-то чинил доспехи, а кто-то просто отдыхал в тени, набираясь сил перед грядущими битвами.

Вереницы солдат с алебардами и мечами двигались по лагерю, выполняя приказы командиров. Их лица были суровы и сосредоточены, в движениях чувствовалась уверенность людей, готовых к любым испытаниям. Звон металла, ржание лошадей и приглушенные голоса сливались в единый гул военного лагеря.

Вдруг один из солдат, молодой парень с едва пробивающейся бородкой, набравшись смелости, сделал шаг вперед и обратился к царю. Его голос слегка дрожал от волнения, но в глазах читалась решимость:

– Иван Васильевич, – произнес он, почтительно склонив голову, но не отводя взгляда, – отчего же мы, служивые, должны медяки свои на поднос полковой складывать?

Воцарилась тишина. Казалось, даже ветер затих, ожидая ответа царя. Все взоры обратились к Ивану Васильевичу, который медленно повернулся к солдату. В его глазах блеснул грустный огонек, а рука непроизвольно сжалась в кулак.

– А ты, солдат, – процедил он сквозь зубы, чеканя каждое слово, – посчитай-ка… – Царь сделал паузу, словно собираясь с мыслями, а затем продолжил, и в его голосе звучала горькая ирония: – Сколько медяков назад после битвы не потребуют, столько людей и полегло в бою.

Иван Васильевич, удовлетворенный произведенным эффектом, вновь обратил свой взор на лагерь. Он продолжил наблюдать за тем, как вереницы воинов проходили мимо, бросая медные пятаки на поднос, который держал суровый командир с шрамом через всю щеку. Звон монет сливался с шагами солдат, создавая жуткую музыку войны.

Внизу, у подножия холма, кипела работа. Мужики из посошной рати, вооруженные лопатами и кирками, с неожиданным энтузиазмом взялись за рытье подземного хода под стены Казани еще месяц назад. Их загорелые, мускулистые тела блестели от пота, а руки двигались с удивительной ловкостью и силой. Они копали углубления и шахты, стараясь работать как можно тише, чтобы незаметно для противника протащить войска и пушки ближе к городу.

Земля летела из-под их лопат, образуя небольшие холмики вокруг. Время от времени кто-нибудь из копающих останавливался, чтобы глотнуть воды или вытереть пот со лба, но тут же возвращался к работе, подгоняемый окриками соратников и собственным пониманием важности задачи.

Спустя некоторое время к Ивану Васильевичу, расталкивая окружающих, подбежал запыхавшийся пороховой мастер. Его лицо и одежда были покрыты черной пылью, а в глазах горел огонь возбуждения:

– Царь! – воскликнул он, едва переводя дух и низко кланяясь. – Радостную весть несу! Тоннель под Казань прорыт и забит порохом! Готово все, как вы и велели!

Лицо Ивана Васильевича просветлело. Он радостно хлопнул в ладоши, и его глаза загорелись предвкушением:

– Наконец-то! – воскликнул он, и его голос прокатился по лагерю, заставляя всех вокруг замереть. – Месяц тут стоим, давно пора на приступ идти. Заждались уже! – Он повернулся к своим военачальникам, и в его взгляде читался вызов. – Что, братцы, готовы ли к решающей битве?

Курбский, стоявший рядом, не разделял всеобщего воодушевления. Он задумчиво посмотрел на Казань, и его лицо было исполнено сомнения:

– Подкоп и порох – царская затея… – произнес он тихо, но достаточно громко, чтобы Иван Васильевич услышал.

Царь резко обернулся, словно ужаленный:

– Пороху моему не веришь?! – прорычал он, сверля Курбского яростным взглядом.

Царь, усмехнулся:

– На лошадках любишь скакать, красоваться тебе любо.

Иван Васильевич и Курбский стояли друг напротив друга, словно два исполина, готовых к схватке. Их доспехи сверкали на солнце, отражая его лучи и ослепляя окружающих. Щиты, которые они держали, были настоящими произведениями искусства – на них искусной рукой мастера были изображены величественные солнца и гордые львы, символизирующие силу и власть. Шлемы, увенчанные султанами из конского волоса, придавали воинам еще более грозный вид. Кольчуги, искусно сплетенные из тысяч мелких колец, звенели при каждом движении, напоминая о готовности к бою. Плащи, богато расшитые золотом и серебром, развевались на ветру, словно крылья огромных хищных птиц.

По команде Царя, словно муравьи, засуетились солдаты. Они с натугой покатили огромные бочки, наполненные порохом, в сторону подкопов. Пот градом катился по их лицам, мышцы вздувались от напряжения, но никто не смел ослушаться царского приказа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.